

**КЛАССИКА, КОТОРАЯ
ВСЕГДА С ВАМИ!**

*Скажи, что ты читаешь,
и я скажу, кто ты.*

А. ЧЕХОВ / А. БЛАН

**Письмо
незнакомки**

Новеллы

Стефан Цвейг

Москва
2025

УДК 821.112.2-32(436)

ББК 84(4Авс)-44

Ц26

Перевод с немецкого

*С. Л. Фридлянд, П. С. Бернштейн, Д. М. Горфинкель,
И. Б. Мандельштам, Л. И. Вольфсон, Г. С. Еременко, В. М. Топер*

Цвейг, Стефан.

Ц26 Письмо незнакомки : новеллы / Стефан Цвейг ;
[перевод с немецкого]. — Москва : Эксмо, 2025. —
384 с. — (Время для желаний).

ISBN 978-5-04-201161-0

Новеллы Стефана Цвейга, классика европейской литературы, отличаются тонким психологизмом. Это истории о любви во всех ее проявлениях: бескорыстной, страстной, похожей на одержимость. Напряженный динамизм, глубокое понимание причин человеческих поступков и откровенность в изложении покорили мир.

УДК 821.112.2-32(436)

ББК 84(4Авс)-44

© Топер В.М., перевод на русский язык.
Наследники, 2025

© Фридлянд С.Л., перевод на русский язык.
Наследники, 2025

© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-201161-0

В СУМЕРКАХ

Уж не собрал ли ветер тучи над городом, что стало вдруг так темно в нашей комнате? Нет. Воздух ясен и тих, как давно уже не было в эти летние дни, просто мы не заметили, как наступил вечер. Лишь слуховые оконца в доме напротив ещё улыбаются неярким блеском, а небо над коньком крыши уже подёрнулось золотой дымкой. Час остался до ночи. Волшебный час, ибо нет ничего чудесней, чем наблюдать, как медленно блёкнут и покрываются тенями краски заката, как подымается с пола мрак, пока чёрные бесшумные потоки его не захлестнут стены и не увлекут нас во тьму. Когда в этот час молча глядишь на сидящего против тебя друга, невольно кажется, что знакомое лицо, одетое тенью, постарело, стало далёким и чуждым, словно и не было близости, словно между нами легла даль годов и расстояний. Но ты говоришь, что не хочешь молчания, ибо слишком тягостно слушать, как часы разбивают время на сотни осколков, как дыхание в тишине становится громким, будто у больного. Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе что-нибудь. Охотно. О себе

я, правда, рассказывать не буду, потому что жизнь наша в этих необъятных городах бедна событиями, а может быть, так только кажется, ибо нам не дано знать, что же здесь на самом деле наше. Но в этот сумеречный час, который любит только молчание, я расскажу тебе одну историю и был бы рад, если б мне удалось привнести в неё что-то от тёплого, мягкого, неверного света сумерек, чьи тени проплывают сейчас за окном. Не знаю, откуда пришла ко мне эта история. Помню только, что я сидел здесь после полудня, долго сидел и читал книгу, потом уронил книгу на колени и погрузился в мечты или, может быть, в дремоту. И передо мной возникли вдруг какие-то образы, они скользили по стене, и я слышал их речи, заглядывал в их жизнь. Но когда я захотел проводить видения взглядом, сон отлетел от меня, и они исчезли. Книга лежала у моих ног. Я поднял её, стал отыскивать промелькнувшие образы и ничего не нашёл; словно история эта перекочевала из книги в мои руки, а может быть, её никогда там и не было. Может быть, я видел её во сне или прочёл в одном из пёстрых облаков, что пришли к нам сегодня из дальних стран и унесли дождь, так долго висевший над городом. Или я услышал её в бесхитростной старой песне, которую заунывно прохрипела под моими окнами шарманка? Или мне рассказал её кто-нибудь много лет назад? Не знаю. Подобные истории часто являются мне, и я пропускаю меж пальцев хитросплетения судеб, даже не пытаюсь схватить их: так путник, не пытаюсь

сорвать, мимоходом ласкает колосья или цветы на высоких стеблях. Просто передо мной вдруг возникает резкая, многоцветная картина, я мысленно смягчаю тона и линии, не удерживая ничего. Но сегодня ты хочешь, чтобы я рассказал тебе что-нибудь, и вот теперь, в этот сумеречный час, когда глаза наши томятся в серой полутьме по ярким и живым краскам, я расскажу тебе свою историю.

С чего начать? Я чувствую, что должен вырвать из тьмы одно мгновение, одну картину и один образ, ибо именно так начинаются во мне эти прихотливые грёзы.

Вот я и вспомнил. Я вижу стройного мальчика, который спускается по широкой лестнице замка. Сейчас ночь, и луна светит неярко, но я — словно с помощью освещённого зеркала — различаю и каждую линию его гибкой фигуры, и каждую черту его лица. Он удивительно хорош собой: гладкие чёрные волосы по-детски падают на высокий, даже слишком высокий лоб, а руки, простёртые во тьме, чтобы ощутить тепло нагретого солнцем воздуха, очень нежны и красивы. Он идёт не спеша. Задумчиво спускается он в большой, шумящий листвой сад, через который белым мостом перекинулась широкая аллея.

Не знаю, когда всё это происходит, то ли вчера, то ли полвека назад, не знаю где, но, скорее всего, в Англии или в Шотландии, потому что лишь там я видел такие высокие, сложенные из каменных глыб замки, которые издали кажутся грозными крепостями и только перед взором посвящённого

покорно склоняются к цветникам светлых садов. Да, теперь я знаю наверняка; дело происходит на севере, в Шотландии, ибо лишь там летние ночи так прозрачны, что небо матово поблёскивает, точно опал, а поля никогда не темнеют, и всё как бы светится изнутри мягким светом, и только тени, словно огромные чёрные птицы, опускаются на бледные равнины. Да, да, именно Шотландия, теперь я в этом уверен, совершенно уверен, и, если напрячь память, я вспомню даже имя мальчика и название графского замка, потому что тёмная пелена, окутавшая мой сон, быстро спадает, и всё представляется мне так отчётливо, будто это не вымысел, а действительное событие. Мальчик приехал на лето погостить к своей замужней сестре, и благодаря гостеприимству знатных английских семейств — он здесь не один, по вечерам вокруг стола собирается целое общество: друзья хозяина, охотники с жёнами, несколько молодых девушек, красивых и стройных, их молодое веселье рождает в старых стенах радостное, но нешумное эхо. День-деньской скачут лошади, носятся своры собак, на реке поблёскивают две или три яхты — праздное, беззаботное оживление сообщает ритму дня приятную быстроту.

Но сейчас вечер; все встали из-за стола. Мужчины сидят в зале, курят, играют в карты. До глубокой ночи из высоких окон тянутся в парк белые, зыбкие по краям столбы света, а иногда слышатся взрывы громкого хохота. Дамы, как обычно в это время, разошлись по своим комнатам, лишь две-три задер-

жались поболтать в вестибюле. И поэтому мальчик сейчас предоставлен самому себе. К мужчинам ему пока нельзя, разве что ненадолго, а женщин он сам избегает, ибо порой, едва он приоткроет дверь, они вдруг понижают голос, и он догадывается, что речь идёт о вещах, которые ему слушать не следует. Да и вообще он не любит женского общества: женщины задают ему вопросы, как ребёнку, а ответы пропускают мимо ушей, они посылают его с тысячами мелких поручений и благодарят потом, как послушного малыша.

Мальчик совсем было надумал лечь и уже поднялся к себе по винтовой лестнице, но в комнате оказалось слишком жарко, тяжкий воздух давил недвижной духотой. Утром позабыли опустить шторы, и солнце всласть похозяйничало здесь: разогрело стол, накалило кровать, отдохнуло на стенах, и его жаркое дыхание до сих пор струится из всех углов и от складок портьер. К тому же ещё совсем не поздно, и за окном, словно белая свеча, оплывает летняя ночь, такая мирная, тихая, безмятежная.

Вот почему мальчик снова спускается по высокой лестнице замка в сад, над тёмной чашей которого, словно нимб, тускло светится небо и куда манит его пряный аромат незримых цветов. Странно как-то у него на душе. Ему пятнадцать лет, все его чувства в смятении, и он не может понять, отчего у него так дрожат губы, словно он должен что-то шепнуть ночи, либо воздеть руки, либо постоять, закрыв глаза, словно между ним и этой невозмутимой летней

ночью возникли тайные узы и они требуют слов или приветственного знака.

С широкой открытой аллеи мальчик неторопливо сворачивает на узкую боковую тропинку, где высоко над головой сплетаются в тесном объятии серебристые кроны деревьев, а внизу лежит глубокий ночной мрак. Не слышно ни звука. Лишь не передаваемая словами звучная тишина сада, неумолчный лепет — будто дождевые капли мягко падают в траву или тонкие былинки со звонким шорохом касаются друг друга — встречают мальчика, полного сладкой, непонятной грусти. Он то слегка коснётся дерева, то замедлит шаг, прислушиваясь к мимолётным звукам; шапочка давит лоб, он снимает её, чтобы ощутить прикосновение сонного ветерка к своим вискам, где звенит разгорячённая кровь.

Но вдруг, когда он ещё дальше углубляется во тьму, происходит нечто непредвиденное. За его спиной хрустит гравий, мальчик в испуге оборачивается и видит, что к нему, трепетно мерцая, приближается высокая белая фигура; вот уже она рядом, и он с ужасом чувствует, как его крепко, но невраждебно стискивают женские руки. Тёплое, нежное тело властно прижимается к нему, лёгкая ладонь торопливо скользит по его волосам, запрокидывает его голову; он чувствует, как льнут к нему чьи-то уста, полуоткрытые, словно спелый плод, как чьи-то дрожащие губы впиваются в его губы. Чужое лицо так близко, что он не может разглядеть его черты. И не смеет разглядывать, ибо дрожь пронзает его

такой острой болью, что он закрывает глаза и безвольно отдаётся чужим пылающим губам; руки его нерешительно, неуверенно, робко, словно вопрошая, касаются чужого тела, и, внезапно опьянённый, он прижимает его к себе. Жадно пробегают его руки по мягким линиям, замешкаются на миг, вздрогнут и спешат дальше, ещё взволнованней и жарче. Ещё сильнее налегает на него чужое тело, уже всей своей тяжестью покоится оно на его податливой груди. Чьё-то прерывистое, тяжёлое дыхание увлекает его, клонит к земле, и он падает на колени. Он ни о чём не думает — ни о том, откуда пришла к нему эта женщина, ни о том, как её зовут; не открывая глаз, пьёт он желание с этих ароматно-влажных губ и отдаётся всепоглощающей страсти, безвольный, бездумный, упоённый. Ему чудится, будто звёзды вдруг ринулись с небосвода — так мерцает всё перед глазами, так искрится, горит всё, чего он ни коснётся. И он не знает, сколько это длится, часы ли, секунды ли, не размыкается мягкая, гибкая цепь — всё сгорает в буйном пламени страстной борьбы, и на смену приходит блаженная истома.

Но внезапно жаркая цепь рвётся. Резко, почти злобно высвобождает она его сдавленную грудь, женщина выпрямляется, и вот уже беглый белый луч скользит по деревьям и исчезает, прежде чем мальчик успевает протянуть руки и схватить его.

Кто это был? Сколько это продолжалось? Держась за ствол дерева, он встаёт, растерянный и оглушённый. Медленно возвращается в разгорячённый мозг

трезвая мысль, ему кажется, что жизнь его сразу умчалась на тысячи часов вперёд. Неужели стали явью все его смятенные мечты о женщинах, о любви? Или это только ему приснилось? Он касается руками своего тела, дёргает себя за волосы. Да, на висках, где глухо стучит кровь, кожа влажная, влажная и холодная от росистой травы, губы снова горят, он вдыхает непривычный хрусткий аромат женского платья, он ищет в памяти каждое сказанное слово. И не находит ни одного.

Тут он со страхом вспоминает, что она ничего не говорила, что она даже не назвала его имени, что он знает только её судорожные вздохи, и глухие всхлипывания всевластной страсти, благоухание её рассыпавшихся волос, и горячее прикосновение её груди, и фарфоровую гладкость её кожи, знает, что её тело, её дыхание, всё её трепетное существо принадлежало ему, но не знает, кто она, эта женщина, чья любовь настигла его во тьме. Отныне ему придётся ощупью отыскивать имя, чтобы облечь в слова своё изумление и своё счастье.

И то непостижимое, что он только что пережил в объятиях женщины, вдруг кажется ему убогим и ничтожным рядом со сверкающей тайной, чей манящий взор устремлён на него из мрака. Кто она, эта женщина? Он лихорадочно перебирает в уме возможные разгадки, припоминает лица всех женщин, живущих сейчас в замке, выискивает в памяти каждое необычное мгновение, каждый разговор, каждую улыбку тех пяти или шести, что могут быть

причастны к тайне. Не молодая ли графиня Э., та, которая частенько вздорит со своим стареющим мужем? Не юная ли жена дядюшки, у которой такие кроткие и в то же время удивительно озорные глаза? Или — эта мысль пугает его — или одна из трёх сестёр, его кузин, таких гордых, сдержанных и неприступных? Нет, это невозможно, все они донельзя холодны и рассудительны. Последние годы, когда тайные мечты начали обуревать его и вторгаться в его сновидения, он порой считал себя больным и отверженным, и как же завидовал он всем, кто мог быть или казаться таким спокойным, таким невозмутимым, таким бесстрастным, как страшился, словно тяжкого недуга, своих пробуждающихся желаний! А теперь?.. Но чья же, чья же внешность могла так обмануть его?

Навязчивый вопрос мало-помалу гасит волнение в крови. Уже поздно, в зале потушены огни, во всём замке не спит только он — он да ещё, может быть, она, неузнанная. Незаметно подкрадывается усталость. К чему дальше ломать голову? Беглый взгляд из-под опущенных ресниц, тайное пожатие руки завтра всё ему откроют. Задумчиво поднимается он по лестнице, так же задумчиво он спускался по ней, так же — и совсем, совсем иначе. Волнение в крови ещё не до конца улеглось, и нагретая солнцем комната кажется ему теперь свежей и прохладней.

Наутро, проснувшись, он слышит, как под окнами фыркают и бьют копытами лошади, слышит смех, слышит своё имя. Он вскакивает с постели —

завтрак он уже всё равно проспал, — торопливо одевается и стремглав мчится вниз, где его встречают весёлыми шутками. «Соня-засоня», — смеётся графиня Э., глаза её искрятся от смеха. Жадный взгляд задерживается на её лице: нет, нет, это не она, уж слишком беззаботно она смеётся. «Сладко спалось?» — подшучивает жена дядюшки, но её стан кажется ему слишком воздушным. А вопрошающий взгляд мчится дальше от лица к лицу, но нигде, нигде, нигде не сияет ему навстречу ответная улыбка.

Едут на прогулку. Он жадно ловит ухом каждый звук голоса, ловит глазами каждый изгиб тела, каждое движение покачивающихся в седле всадниц, подстерегает каждый поворот головы, каждый взмах руки. За обедом он как можно ближе наклоняется к своей собеседнице, чтобы вдохнуть аромат её губ, тёплое благоухание волос, но ничто, ничто не является ему желанного знака, не открывает даже мимолётного следа, по которому могли бы устремиться его разгорячённые мысли. День нескончаемо долог. Когда он берётся за книгу, строчки переливаются через край страницы и вдруг уносят его в сад, и снова ночь, удивительная ночь, и снова жаркая цепь объятий смыкается вокруг него. И, выпустив книгу из дрожащих рук, он спешит к пруду. Но вдруг, неожиданно для себя, с испугом даже, замечает, что стоит на той же тропинке, на том же месте. За ужином его лихорадит, руки неуверенно блуждают по скатерти, словно их что-то гонит, глаза боязливо прячутся под опущенными веками. Когда остальные

отодвигают, наконец-то отодвигают стулья и встают из-за стола, он с чувством несказанного облегчения покидает комнату и мчится в парк. По белой тропинке, которая, словно молочный туман, мерцает у него под ногами, ходит он взад и вперёд десять, сто, тысячу раз. Зажглись ли огни в зале? Да, наконец-то зажглись, и наконец-то спущены шторы в окнах второго этажа. Значит, дамы разошлись по своим комнатам. Считанные минуты остались до её прихода, если только она придёт, но теперь каждая минута до предела наполнена жгучим нетерпением. И снова взад и вперёд, взад и вперёд мечется он, словно его дёргают за невидимые нити.

Но тут по ступеням лестницы стремительно сбегает белая фигура, чересчур стремительно, чтобы можно было узнать, кто это. Она словно луч луны, словно забытая кем-то вуаль, которая трепещет меж деревьев, гонимая ветром, она всё ближе, ближе, и вот уже она бросается в объятия мальчика, и руки его жадно, мёртвой хваткой, смыкаются вокруг её разгорячённого бегом тела. Как и вчера, в тот миг, когда тёплая волна неожиданно обдаёт его грудь, он едва не теряет сознание и жаждет только одного — чтобы тёмный поток страсти подхватил и унёс его за собой. Но угар внезапно рассеивается, он сдерживает страстный порыв. Нет, нет, только не позволить ей одурманить себя, только не отдаться этим жадным устам, покуда он не узнает, какое имя носит это существо, чьё тело прижалось к нему так тесно, что кажется, будто чужое сердце бьётся в его